

СОКОЛОВ Антон Николаевич,
Аспирант ОмГУ им. Ф. М. Достоевского,
e-mail: sokol_anton2001@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, В ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассматривается развитие института обстоятельств, исключающих преступность деяния, в уголовном законодательстве Российской империи. Анализируется эволюция нормативного регулирования от казуистического закрепления отдельных случаев правомерного причинения вреда к формированию системного правового института. Отправной точкой исследования выступают законодательные акты эпохи Петра I — Артикул воинский 1715 г. и Морской устав 1720 г., в которых получили правовое закрепление положения о необходимой обороне («нужном оборонении»), а также были обозначены прообразы таких обстоятельств, как причинение вреда при задержании преступника, крайняя необходимость и исполнение приказа. Показано, что на данном этапе соответствующие положения носили фрагментарный характер и рассматривали причинение вреда в таких случаях преимущественно как противоправное, но ненаказуемое деяние. Дальнейшее развитие института связано со Сводом законов Российской империи 1832 г., где положения о необходимых основаниях освобождения от наказания впервые были систематизированы, а законодатель начал использовать конструкции «не вменяется в преступление» и «не вменяется в вину». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. закрепило и развило данный подход, сформулировав перечень причин, при которых содеянное не вменяется в вину, включая случайность, принуждение, невменяемость и необходимую оборону. Особое внимание уделяется Уголовному уложению 1903 г., в котором обстоятельства, исключающие преступность деяния, были структурно выделены в самостоятельный институт и впервые разделены на две группы: исключающие виновность и устраняющие преступность деяния. Сделан вывод о том, что дореволюционное уголовное законодательство сформировало основные элементы рассматриваемого института и создало теоретико-правовую основу для его дальнейшего развития в современном уголовном праве.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния; необходимая оборона; крайняя необходимость; причинение вреда при задержании преступника; исполнение приказа; уголовное право Российской империи; Свод законов Российской империи 1832 г.; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; Уголовное уложение 1903 г.

SOKOLOV Anton Nikolaevich,
Postgraduate Student of Dostoevsky
Omsk State University

FORMATION OF THE INSTITUTION OF CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF AN ACT IN THE PERIOD OF THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation. The article examines the development of the institution of circumstances excluding the criminality of an act in the criminal legislation of the Russian Empire. The evolution of legal regulation is analyzed from the casuistic consolidation of individual cases of lawful harm to the formation of a systematic legal institution. The starting point of the study is the legislative acts of the era of Peter I of Russia — the Military Articles of 1715 and the Naval Charter of 1720, which for the first time established legal provisions on necessary defense (“necessary defense”) and also contained early prototypes of such circumstances as harm caused during the apprehension of an offender, necessity, and the execution of an order. It is shown that at this stage these norms were fragmentary in nature and the infliction of harm under such circumstances was

primarily regarded as an unlawful but non-punishable act. Further development of the institution is associated with the Code of Laws of the Russian Empire of 1832, where the provisions on the grounds for exemption from punishment were first systematized, and the legislator began to use the legal constructions “not imputed as a crime” and “not imputed as guilt.” The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 consolidated and developed this approach by establishing a list of causes under which an act is not imputed as guilt, including accident, coercion, insanity, and necessary defense. Particular attention is paid to the Criminal Code of 1903, in which circumstances excluding the criminality of an act were structurally distinguished as an independent legal institution and, for the first time, divided into two groups: those excluding guilt and those eliminating the criminality of the act itself. It is concluded that the pre-revolutionary criminal legislation formed the basic elements of this institution and created the theoretical and legal foundation for its further development in modern criminal law.

Key words: *circumstances excluding the criminality of an act; necessary defense; necessity; harm caused during the apprehension of an offender; execution of an order; criminal law of the Russian Empire; Code of Laws of the Russian Empire of 1832; Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845; Criminal Code of 1903.*

Период Российской империи занимает особое место в истории развития института обстоятельств, исключающих преступность деяния. Именно в это время происходит постепенный переход от казуистического закрепления отдельных случаев правомерного причинения вреда к формированию более системного регулирования соответствующих норм в уголовном законодательстве.

Начало данного процесса связано с реформами уголовного законодательства эпохи Петра I, в рамках которых в нормативных актах впервые получили закрепление положения, допускающие причинение вреда при защите личности и иных охраняемых законом интересов. Однако на первоначальном этапе такие нормы носили фрагментарный характер и еще не образовывали целостной системы.

В этой связи особого внимания заслуживают законодательные акты Петра I — Артикул воинский (Воинский устав) 1715 г. и Морской устав 1720 г. В них были не только развернуто регламентированы положения о необходимой обороне, но и закреплены прообразы таких обстоятельств, исключающих преступность деяния, как причинение вреда при задержании преступника, крайняя необходимость и исполнение приказа.

Необходимая оборона в законодательстве петровских времён впервые начала упоминаться как «нужное оборонение». Введение данного термина потребовало выделения специальных норм в самостоятельные главы «о смертоубийстве» как в Артикуле воинском, так и в Морском уставе. Это стало первым случаем, когда статьи о самообороне получили строго определённое место в правовом источнике. Размещение норм в данной главе объяснялось тем, что самозащита допускала убийство нападающего [6, с. 358-359]. При этом важно подчеркнуть, что необходимая оборона воспринималась как противоправное, но

ненаказуемое деяние — вынужденная мера, а не правомерная защита [7, с. 60].

Положения Артикула воинского (арт. 156–157) и Морского устава 1720 г. (арт. 110) имели похожее содержание, однако различались по степени строгости и детализации. Если Артикул регулировал оборону при угрозе жизни, то Морской устав допускал её и при опасности для здоровья [4, с. 92], тем самым расширяя пределы допустимой защиты.

При этом именно Воинский устав, отличавшийся более детальной регламентацией норм, оказал наибольшее влияние на дальнейшее развитие необходимой обороны. В данном документе необходимая оборона рассматривалась исключительно с позиции самообороны — как право «обороны живота своего», то есть защиты собственной жизни (арт. 156). Однако Артикул (как и Морской устав) не содержал норм, допускавших защиту имущества обороняющегося или защиту жизни третьих лиц. Даже убийство ночного вора в Артикуле признавалось допустимым, поскольку он «не для единой кражи, но чтоб и умертвить, в дом ночью врываетца» (арт. 185).

В положениях Воинского устава уже отчётливо прослеживается принцип соразмерности защиты характеру посягательства (арт. 157): применение оружия допускалось прежде всего при вооружённом нападении, а при невооружённом — лишь в случае значительного превосходства нападавшего и возникновения «смертного страха». Аналогичный подход был закреплён и в Морском уставе, допускавшем оборону «когда крепко станет нападать и смертно бить» (арт. 110).

В Толковании арт. 157 были также сформулированы основные условия правомерности необходимой обороны: её своевременность, исключающая причинение вреда после прекращения посягательства (в частности, убийство убегающего рассматривалось как месть), отсут-

ствие провокации обороны со стороны защищающегося и наличие непосредственной опасности, выражающейся в реальной угрозе жизни или здоровью. Тем самым Воинский устав впервые в отечественном праве комплексно обозначил признаки правомерной необходимой обороны, многие из которых сохраняют значение и в современном уголовном праве.

В Артикуле воинском (арт. 24) и Морском уставе (арт. 7) устанавливался запрет на применение обороны против начальства: военнослужащий, поднявший оружие на командира, подлежал смертной казни независимо от наступивших последствий. Защита прав подчинённого допускалась лишь посредством обращения в воинский суд или к императору. Как отмечает С.В. Пархоменко, данные ограничения были обусловлены закреплением исполнения обязательного приказа как обстоятельства, исключающего преступность деяния, при котором ответственность за отданный приказ возлагалась на начальника, а подчинённый лишь обязан был его исполнить [10, с. 7].

Наряду с этим, в петровских законах получил развитие и прообраз института причинения вреда при задержании преступника. В соответствии с арт. 205 Воинского устава, в случае сопротивления осуждённого лицу, назначенному для его ареста, и невозможности задержания иными средствами причинение ему смерти не влекло наказания. Однако данное правило распространялось лишь на обычных преступников (например, воров) и не применялось к чрезвычайным преступникам — бунтовщикам и изменникам, убийством которых могло быть сокрыто участие их сообщников. Следует также отметить, что в Артикуле (арт. 206–207) и Морском уставе (арт. 140) устанавливалась обязанность задерживать преступника и пресекать его побег; лица, содействовавшие побегу либо не принявшие мер к задержанию, подлежали наказанию вместо самого преступника.

Касаясь прообраза крайней необходимости, важно подчеркнуть, что именно в Артикуле воинском и Морском уставе проявлялись черты, близкие к современному пониманию данного института [10, с. 7]. Так, Артикул воинский (арт. 154) относил к смертоубийству лишь те случаи, когда лишение жизни произошло «без нужды и без смертного страха». В арт. 180, посвящённом ответственности за уничтожение чужого имущества, содержалась оговорка: «разве по необходимой нужде востребуется и на то позволится», которая служила основанием освобождения от наказания и предполагала возмещение причинённого ущерба [2, с. 91]. Ещё более отчётливо данная идея была выражена в Толковании к арт. 195: «Наказание воровства обыкновенно

умалывается или весьма оставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет». Аналогичное положение содержалось и в Толковании к арт. 131 Морского устава.

Как можно заметить, уголовное законодательство петровских времён не имело в своём содержании понятие крайней необходимости, в нём лишь акцентировалось внимание на крайности подобного состояния («крайняя голодная нужда» и др.) [2, с. 91].

Несмотря на более развитую по сравнению с предыдущими эпохами регламентацию отдельных обстоятельств, исключающих преступность деяния, законодательные акты Петра I все же не обладали необходимой строгостью и последовательностью в этом вопросе. Общие дефиниции рассматриваемых обстоятельств отсутствовали, а нормы имели преимущественно казуальный характер — они формулировались применительно к конкретным ситуациям или видам деяний [10, с. 7].

Лишь с появлением Свода законов Российской империи 1832 г. можно говорить о начале функционирования обстоятельств, исключающих преступность деяния как полноценного правового института: в законодательстве не только расширяется их количество, но и впервые появляется систематизированный перечень под единой терминологией, а отдельные нормы получают более чёткую конкретизацию.

Так, в Своде законов соответствующие положения впервые были представлены в систематизированном виде в Отделении первом «Об обстоятельствах, освобождающих от наказания» главы V «Об освобождении от наказания», включая: случайность (несчастный случай) (ст. 132); необходимую оборону (ст. 133–134); насильственное принуждение (ст. 135); безумие и сумасшествие (ст. 136–137); своевременное раскрытие соучастников в предусмотренных законом случаях (ст. 138); принятие христианской веры (ст. 139–140). Хотя формально указанные предписания относились к «освобождению от наказания», анализ их содержания демонстрирует использование различных по юридической природе конструкций.

В ряде случаев законодатель действительно исходил из модели освобождения от наказания при сохранении факта совершения преступления (например, положения о своевременном раскрытии соучастников — ст. 138; принятие христианской веры — ст. 139). В подобных ситуациях преступность деяния не ставилась под сомнение, речь шла лишь об освобождении от последствий его совершения.

Иная конструкция применялась в ст. 132, где указано, что действие, совершённое «случайно, без какого-либо умысла и намерения и даже без видимой неосторожности», «не вменяется подсудимому в преступление». Здесь законодатель не освобождал лицо от наказания за совершённое преступление, а констатировал отсутствие самого преступления вследствие исключения виновности.

Аналогичный подход был закреплён в ст. 135: деяние, совершённое по насильственному и непреодолимому принуждению, «не вменяется в вину». В ст. 136 установлено, что преступление, совершённое в состоянии безумия, также «не вменяется в вину». Во всех указанных случаях использовалась категория невменения, предполагая отсутствие одного из обязательных элементов преступления — вины.

Несмотря на размещение соответствующих положений в главе об освобождении от наказания, их содержание указывало на качественный сдвиг в правовом регулировании: законодатель оперировал категорией «не вменяется в преступление» и «не вменяется в вину», что свидетельствовало о постепенном переходе к осмыслению обстоятельств, исключающих преступность деяния, через категорию вины.

Особое значение имеет анализ норм о необходимой обороне (ст. 133–134). Свод сформулировал три обязательных критерия законности обороны (ст. 133): соразмерность, своевременность и вынужденность.

Соразмерность выражалась в требовании соответствия средств защиты характеру и интенсивности нападения: применение оружия против безоружного допускалось лишь при очевидном физическом превосходстве нападающего и наличии угрозы жизни. Своевременность предполагала отражение посягательства в момент возникновения опасности; при этом причинение смерти нападавшему, который уже прекратил нападение и пытался скрыться, рассматривалось как месть и вело к утрате права на оборону. Критерий вынужденности обязывал обороняющегося, насколько позволяет собственная безопасность, уклоняться, отступать и избегать причинения вреда.

Свод расширил сферу действия обороны (ст. 134): она допускалась не только для личной защиты, но и для защиты других лиц, включая случаи посягательства на их жизнь, здоровье или целомудрие женщин. Кроме того, оборона признавалась допустимой для охраны имущества, при условии последующего уведомления соседей и местного начальства о последствиях совершённого действия.

Указанные положения имели принципиально иной характер по сравнению с нормами об

освобождении от наказания. Законодатель не просто освобождал лицо от наказания за совершённое преступление, а определял критерии правомерного поведения. Формулировка «оборона признаётся законной» указывала на допустимость причинения вреда при наличии установленных условий.

Тем самым в нормах о необходимой обороне фактически закреплялась модель правомерного причинения вреда, при которой деяние не рассматривалось как преступное при соблюдении предусмотренных законом пределов. Хотя терминологически отсутствовала прямая формула «не вменяется в преступление», сама конструкция законности обороны свидетельствует о движении к современному пониманию исключения преступности деяния.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. формально закрепило и развило конструкцию «исключения вины», намеченную в предшествующем законодательстве. Закон, как и в предшествовавшем правовом акте, оформил «обстоятельства» в виде последовательного, систематизированного перечня с детальной регламентацией каждой категории. Однако теперь данный перечень именовался «О причинах, при которых содеянное не вменяется в вину», что отражало стремление законодателя соотносить природу рассматриваемого института с понятием вины.

При этом в дореволюционной доктрине закреплялась альтернативная терминология: Л. С. Белогриц-Котляревский в своих трудах, опираясь на нормы действовавшего Уложения 1845 г., при описании «обстоятельств» использовал термин «причины, исключающие преступность деяния» [1, с. 228], тем самым приближая институт к его современному пониманию.

Перечень обстоятельств, при которых содеянное не вменялось в вину, в значительной мере воспроизводил положения Свода законов 1832 г. К ним относились (ст. 98): случайность; малолетний возраст; безумие, сумасшествие и болезни с помрачением рассудка или полной беспамятностью; случайную или вызванную обманом ошибку; непреодолимое принуждение; необходимую оборону. Указанный перечень по своему содержанию оставался неизменным как в первоначальной редакции Уложения, так и в последующих редакциях 1866 и 1885 гг.

Дальнейшие статьи Уложения (ст. 99–109) не столько вводили новые основания, сколько детализировали уже известные конструкции. Наиболее разработанной являлась регламентация невменяемости, получившая развёрнутое нормативное оформление с указанием на различные формы психического расстройства и соответствующие меры содержания.

Особое место занимала необходимая оборона, которая подробно регламентировалась ст. 107–109. В статье 107 законодатель устанавливал, что применение силы — вплоть до причинения ран, увечья или смерти — не вменялось в вину обороняющемуся, если нападение действительно создавало непосредственную опасность для его жизни, здоровья или свободы и при этом не было возможности обратиться за защитой к ближайшему начальству.

Оборона не вменялась в вину и при нападении разбойника, вора или при насильственном вторжении в жилище, а также при сопротивлении преступника задержанию, что свидетельствовало о слиянии данного обстоятельства с причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление. Устанавливались и пределы: вред, причинённый после устранения опасности, квалифицировался как злоупотребление обороной и подлежал наказанию. Кроме того, оборонящийся был обязан немедленно уведомить соседей и начальство о случившемся.

В ст. 108 отдельно признавалась правомерность сопротивления женщины при насильственном посягательстве на её целомудрие и честь. Наконец, ст. 109 закрепляла, что оборона допускается не только для защиты себя, но и для защиты других лиц, находившихся в аналогичной ситуации.

Тем самым Уложение 1845 г. не создало принципиально новых обстоятельств, исключающих преступность деяния, а завершило процесс их систематизации и концептуального оформления через категорию исключения вины.

Добавим, что в дореволюционной уголовно-правовой доктрине указывались и иные «обстоятельства», которые не получили нормативного оформления в Уложении 1845 г. К их числу относили исполнение закона или служебной обязанности, исполнение приказа, крайнюю необходимость как самостоятельное обстоятельство, осуществление права и согласие потерпевшего [9, с. 295–306, 321–329; 8, с. 215–237; 11, 63–74].

Заключительным правовым актом данного исторического периода, представляющим интерес для настоящего исследования, является Уголовное уложение 1903 г. Несмотря на то, что Уложение так и не вступило в силу в полном объёме [3, с. 374], оно представляет собой значительный научный вклад в развитие рассматриваемого института. По мнению В.И. Михайлова, этот юридический документ, по сравнению с другими источниками российского уголовного права, действовавшими до него, отражал более высокий уровень правовой культуры и законодательной техники [5, с. 65].

Главной особенностью Уложения 1903 г. являлось то, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, были структурно выделены в отдельный институт — отделение четвёртое «Об условиях вменения и преступности деяния» главы «О преступных деяниях и наказаниях вообще».

Кроме того, в Уложении 1903 г. нормы, составляющие рассматриваемый институт, впервые были объединены в две основные категории. К первой относились обстоятельства, исключающие вменение в вину (виновность), — сюда входили невменяемость, малолетство, случай, принуждение или заблуждение (ст. 39–43). Вторая категория охватывала ситуации, устраняющие непосредственно преступность деяния, такие как исполнение закона или приказа, необходимая оборона, крайняя необходимость и использование негодного предмета (ст. 44–47).

Данное деление не является случайным, поскольку нормы первой группы начинались со слов «не вменяется в вину», тогда как статьи второй категории использовали выражение «не почитается преступным». Такое разграничение свидетельствует о качественном пересмотре законодателем юридической природы института обстоятельств, исключающих преступность деяния: если в Уложении 1845 г. все подобные основания рассматривались исключительно через призму отсутствия виновности, то Уложение 1903 г. впервые нормативно закрепило принципиальное различие между отсутствием вины субъекта и отсутствием преступности самого деяния.

Центральное место в системе по-прежнему занимала невменяемость. В ст. 39 Уложения 1903 г. закреплялось, что не вменяется в вину деяние, совершённое лицом, которое в момент его совершения не могло понимать свойства и значение совершаемого либо руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности, бессознательного состояния либо умственной отсталости, обусловленной физическими недостатками или болезнью. Новым являлось более чёткое законодательное подчёркивание двух критериев невменяемости — интеллектуального и волевого, а также детальная регламентация последствий применения этой нормы: допускалась передача лица под надзор родственников либо иных попечителей, помещение в медицинское учреждение, а при совершении особо тяжких деяний — обязательная госпитализация.

Отдельная регламентация была посвящена возрасту субъекта. В ст. 40 Уложения закреплялось правило об исключении вины за деяния малолетних, не достигших десяти лет. Вместе с тем в ст. 41 вводился более развитый институт так называемой относительной невменяемости

несовершеннолетних в возрасте от десяти до семнадцати лет: ответственность исключалась, если несовершеннолетний вследствие возрастных особенностей не мог понимать характера своих действий или руководить ими. Эта конструкция отсутствовала в Уложении 1845 г., где возрастная невменяемость сводилась лишь к малолетству.

Уложение 1903 г. дополняло указанные положения разветвлённой системой мер воспитательного воздействия: передача под надзор благонадёжных лиц, помещение в воспитательно-исправительные заведения, специальные условия содержания несовершеннолетних вплоть до достижения двадцати одного года, а также возможность направления девушек в монастыри соответствующего вероисповедания.

В ст. 42 Уложения закреплялась случайность как самостоятельное основание исключения виновности: не вменялось в вину деяние, последствия которого лицо не могло ни предвидеть, ни предотвратить.

Более дифференцированно была решена проблема ошибки. В ст. 43 Уложения 1903 г. незнание обстоятельства, обуславливающего преступность деяния либо усиливающего ответственность, исключало вменение соответствующего деяния или квалифицирующего признака. Указанные ситуации рассматривались в качестве причин невменения при условии, если они реально устраняли возможность предвидеть или предотвратить причинение вреда [5, с. 67].

Однако при неосторожных деяниях это правило не применялось, если незнание само явилось следствием виновной небрежности лица. Тем самым законодатель более чётко провёл разграничение между невиновной ошибкой и ошибкой, основанной на непростительной неосмотрительности, что представляло собой шаг вперёд по сравнению с общей формулировкой Уложения 1845 г.

Новым для российского уголовного законодательства стало включение в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, исполнения закона и служебного приказа (ст. 44).

Причинение вреда во исполнение закона признавалось допустимым лишь при соблюдении совокупности условий: соответствующие действия должны были совершаться лицом, наделённым необходимыми полномочиями; осуществляться строго в пределах предоставленной компетенции и опираться на реальные, законные основания для их применения.

Аналогичные требования распространялись и на случаи исполнения приказа: преступность деяния исключалась лишь тогда, когда распоряжение исходило от надлежащего начальника, отдавалось в границах его властных полно-

мочий, исполнялось с соблюдением установленной процедуры и не содержало явно преступного предписания. При этом регулирование, предусмотренное ст. 44 Уложения 1903 г., охватывало не только сферу военной службы, но и гражданские служебные отношения в целом [5, с. 67].

Необходимая оборона была закреплена в ст. 45 Уложения 1903 г. Закон значительно упростил её формулировку по сравнению с громоздкими предписаниями Уложения 1845 г. Оборона признавалась правомерной при отражении противоправного посягательства на личные или имущественные блага обороняющегося либо другого лица. Отдельно указывалось, что превышение пределов обороны вследствие чрезмерности или несвоевременности защиты наказывается лишь в случаях, прямо предусмотренных законом. Тем самым законодатель прямо закрепил саму категорию превышения и придал ей самостоятельное юридическое значение, чего в Уложении 1845 г. не было — там превышение регулировалось лишь косвенно через понятие злоупотребления обороной. Существенно расширился и объект защиты: помимо жизни и здоровья включались и имущественные интересы.

Впервые в российском уголовном праве была легально сформулирована крайняя необходимость. В соответствии со ст. 46 Уложения причинение вреда не признавалось преступным, если оно было совершено для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, возникшей вследствие угрозы, противоправного принуждения либо иных причин, при невозможности устранения такой опасности иными средствами. Аналогичная возможность допускалась и для защиты здоровья, свободы, целомудрия и иных личных или имущественных благ при условии, что причинённый вред был заведомо меньшим по сравнению с предотвращаемым. При этом законодатель сделал важную оговорку: положения о крайней необходимости не применялись, если само уклонение от опасности образовывало состав преступления.

Наконец, ст. 47 Уложения 1903 г. вводила в уголовный закон правило о так называемом мнимом объекте либо абсолютно непригодных средствах посягательства: преступным не признавалось деяние, направленное на несуществующий или заведомо непригодный предмет, если осуществление задуманного преступления было объективно невозможно.

Проведённый анализ правовых источников Российской империи позволяет прийти к выводу, что дореволюционное законодательство заложило основы моделей правового регулирования, воспринятых современным уголовным правом и доктриной.

Список литературы:

[1] Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части / Л. С. Белогриц-Котляревский. - Киев ; Санкт-Петербург ; Харьков : Южно-Русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.

[2] Жигжитова Б.Б. Особенности развития института крайней необходимости в уголовном праве России // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 88-95.

[3] Исаев М.А. История Российского государства и права: Учебник. — М.: Статут, 2012. 840 с.

[4] Кони А.Ф. О праве необходимой обороны: Рассуждение студента Анатолия Кони, напис. для получения степ. канд. по Юрид. фак. — Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1866. 104 с.

[5] Михайлов В.И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. №5 (233). С. 65-72.

[6] Николаева Е.В. История развития института обстоятельств, исключающих преступность деяния / Е. В. Николаева. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 45 (492). — С. 358-362.

[7] Нуркаева М.К. Процесс становления и развития необходимой обороны по уголовному законодательству России // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 3 (19). С. 57-66.

[8] Очерк русского уголовного права : часть общая : преступление и преступники : наказание и наказуемые / [соч.] В. В. Есипова, экстраординарного проф. Имп. Варшавского ун-та. — Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1894. — [2]. 419 с.

[9] Русское уголовное право. Часть общая : Пособие к лекциям / [Соч.] доц. С.-Петерб. ун-та и адъюнкт-проф. Воен.-юрид. акад. магистра Н.Д. Сергеевского. — Санкт-Петербург, 1887. — [4]. 434 с.

[10] Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. - М. Юрлитинформ, 2016. 512 с.

[11] Учебник русского уголовного права : Общ. часть / [Л.Е. Владимиров, проф. Имп. Харьк. ун-та]. — Харьков : изд. тип. Каплана и Бирюкова, 1889. — [2], IV, [2]. 253 с.

References:

[1] Belogrits-Kotlyarevsky L. S. Textbook of Russian Criminal Law. General and Special Parts. Kyiv; St. Petersburg; Kharkiv: South Russian Publishing House of F. A. Ioganson, 1903. 618 p.

[2] Zhigzhitova B. B. Peculiarities of the development of the institution of necessity in Russian criminal law. Prologue: Journal of Law. 2021. No. 1. pp. 88–95.

[3] Isaev M. A. History of the Russian State and Law: Textbook. Moscow: Statut, 2012. 840 p.

[4] Koni A. F. On the Right of Necessary Defense: An Essay by Student Anatoly Koni Written for Obtaining the Degree of Candidate of the Faculty of Law. Moscow: University Printing House (Katkov & Co.), 1866. 104 p.

[5] Mikhailov V. I. The institution of lawful harm (circumstances excluding the criminality of an act) in the Criminal Code of 1903. Journal of Russian Law. 2016. No. 5 (233). pp. 65–72.

[6] Nikolaeva E. V. History of the development of the institution of circumstances excluding the criminality of an act. Young Scientist. 2023. No. 45 (492). pp. 358–362.

[7] Nurkaeva M. K. The process of formation and development of necessary defense in Russian criminal legislation. Society, Law, Statehood: Retrospective and Perspective. 2024. No. 3 (19). pp. 57–66.

[8] Yesipov V. V. Essay on Russian Criminal Law: General Part — Crime and Criminals: Punishment and the Punishable. Warsaw: Printing House of the Warsaw Educational District, 1894. 419 p.

[9] Sergeevsky N. D. Russian Criminal Law. General Part: Lecture Notes. St. Petersburg, 1887. 434 p.

[10] Lopashenko N. A. (ed.). Criminal Law. General Part. Crime. Academic Course. In 10 vols. Vol. 10: Circumstances Excluding the Criminality of an Act. Moscow: Yurлитinform, 2016. 512 p.

[11] Vladimirov L. E. Textbook of Russian Criminal Law. General Part. Kharkiv: Kaplan and Biryukov Printing House, 1889. 253 p.

